

Научная статья

УДК 347.1

doi: 10.17223/22253513/55/12

Добросовестность в гражданском праве: законодательство, доктрина, судебная практика

Лариса Владимировна Щенникова¹

¹ *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
shchennikova_larisa@mail.ru*

Аннотация. Автор, основываясь на многочисленных работах российских и зарубежных цивилистов, последовательно выделяет сущностные характеристики, из которых складывается современное понятие добросовестности в гражданском праве. Доказывается, что в отсутствии точного законодательного определения именно добросовестность составляет этическую ценность, позволяя исправлять проявления несправедливости в отдельных случаях благодаря судебной практике и выступая общим ориентиром для развития гражданского законодательства. Анализируется судебная практика российских судов, а также судов Канады, ЮАР, ОАЭ и Нигерии.

Ключевые слова: гражданское законодательство, основные начала, добросовестность, разумность, справедливость, судебная практика

Для цитирования: Щенникова Л.В. Добросовестность в гражданском праве: законодательство, доктрина, судебная практика // Вестник Томского государственного университета. Право. 2025. № 55. С. 154–168. doi: 10.17223/22253513/55/12

Original article

doi: 10.17223/22253513/55/12

Good faith in civil law: legislation, doctrine, case law

Larisa V. Shchennikova¹

¹ *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, shchennikova_larisa@mail.ru*

Abstract. The purpose of this publication is to provide a comprehensive analysis of the current civil legislation, legal doctrine, and modern case law with regard to the understanding of the obligation of good faith and its implementation in the practice of property relations between participants in civil turnover.

In this context, the author sets the following objectives: to evaluate the results of the modernization of codified civil legislation from the perspective of this requirement; to construct a collective image of the category of good faith as an outcome of scholarly inquiry; and to demonstrate, using specific examples from both Russian and foreign case law, the challenges of applying this requirement in the texts of adopted judicial decisions.

The article is based on the analysis of publications by Russian and foreign civil law scholars, including researchers from the USA, Germany, Canada, South Africa, and Nigeria.

In the course of the study, general scientific methods were employed, including analysis, synthesis, induction and deduction, comparison, and abstraction, as well as specific legal methods, including comparative legal analysis, systemic interpretation, and legal modeling.

The article arrives at the following conclusions:

1. Since good faith, in a broad philosophical sense, consists in preserving human dignity, attentiveness to the higher aspirations of the spirit and life, the scholarly exploration of this concept carries significant educational value. It inspires new generations to engage in scientific inquiry and to uphold and enrich moral ideals.

2. It can be stated that the objective of modernizing civil legislation—namely, the consistent incorporation of the principle of good faith into its content—has been achieved.

3. In its positive form, which characterizes the behavior of participants in civil transactions, good faith encompasses the requirements of honesty, trust, benevolence, truthfulness, diligence, impartiality, integrity, humanity, solidarity, and equality.

In its negative form, good faith implies a prohibition on obtaining unjust advantages and on abusive conduct by participants in civil turnover.

4. The obligation of good faith enables contracting parties, with the assistance of judicial authorities, to prevent the imposition of excessively broad obligations by the other party—particularly in cases involving financial institutions. It also protects implied or ancillary obligations, including those arising from the nature of the transaction, and serves to strengthen the stability of contracts that conform to moral standards and good conscience.

5. In the absence of a precise statutory definition, the concept of good faith possesses ethical value, allowing courts to remedy instances of injustice on a case-by-case basis and serving as a general guiding principle for the development of civil legislation.

Keywords: civil legislation, fundamental principles, good faith, reasonableness, fairness, case law

For citation: Shchennikova, L.V. (2025) Good faith in civil law: legislation, doctrine, case law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 55. pp. 154–168. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/55/12

Только разум, наука, воля, совесть возвышают человека. Думать, что можно иначе возвыситься, может только глупец.

Абай Кунанбаев [1]

Об общеправовом аспекте исследуемого понятия

Разговор о добросовестности начну с упоминания исследования В.А. Кожевникова, русского философа, историка культуры и публициста, которое увидело свет в 1909 г. и было названо «О добросовестности в вере и неверии» [2]. Внимание именно на эту работу обратили мои студенты, и я открыла для себя очень широкий взгляд на категорию добросовестности, высказанный в начале XX в. философом, которого Н.А. Бердяев не без основания называл «человеком необъятной учёности» [3]. В концепции В.А. Кожевникова добросовестность для человека сродни вере и связана с общим поиском смысла жизни. «Сам поиск, – говорил учёный, – болезнен и мучителен, но важно добросовестно пережить выпавшие на долю и человека, и общества страдания, сохранив своё достоинство» [2. С. 1].

Таким образом, добросовестность в широком философском смысле и состоит в сохранении человеческого достоинства. Достойная жизнь, по мнению В.А. Кожевникова, предполагает равнодушие к высшим запросам духа и жизни, стремление к идеалам, нравственную энергию и дисциплину. Невозможно сохранить достоинство, если пребываешь в «нравственной апатии и неряшливости», если ты «живёшь на авось», дремлешь и расслаблен [2. С. 5]. Вот почему с широты философского взгляда добросовестность можно было связать с развитием науки. И эта сторона добросовестности называлась учёным «умственной добросовестностью». Добросовестный человек не вправе, подчёркивал В.А. Кожевников, уклоняться от активных научных поисков истины и ради самого себя, и ради всего человечества. Он должен видеть проблемы, в них вникать, «сродниться» с ними, классифицировать, настойчиво добиваясь результатов, превращая неясное в доказанные научные факты. Отказ от человеческого достоинства, а значит, добросовестности как принципа своей жизни хотя бы одним человеком может привести в концепции философа к катастрофическим последствиям, вплоть до уничтожения всего человеческого рода. Таким образом, в исследованиях проблемы добросовестности заложен большой воспитательный смысл, настраивающий новое поколение на труд научных поисков, преумножение нравственных идеалов и сохранение так необходимого и отдельному человеку, и всему обществу – достоинства.

Добросовестность в российском гражданском законодательстве

Сегодня добросовестность, без преувеличения, стала своеобразным знаменем гражданско-правового регулирования. Более двух десятков статей кодифицированного гражданского закона России о ней специально упоминают. Помимо общего призыва к участникам гражданских правоотношений действовать добросовестно (п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации) [4], законодатель красной нитью проводит данное требование практически через все гражданско-правовые институты, устанавливая общую презумпцию добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Добросовестным, по букве закона, необходимо быть при применении аналогии права (п. 2 ст. 6 ГК РФ). О добросовестности неизменно упоминается в диспозициях гражданско-правовых норм, закрепляющих обязанности законных представителей. Институт юридических лиц также основывается на требовании добросовестности. Несоблюдение требования добросовестности, по логике законодателя, связано напрямую с институтом недействительности сделок. Вот почему о ней упоминает п. 1 ст. 167 ГК РФ, устанавливая общие последствия недействительности сделки. Важность этого требования подчёркивается в п. 2 ст. 179 ГК РФ в связи с уточнением понимания сделок, заключённых под влиянием обмана. О добросовестности говорят и нормы вещного права. Так, п. 1 ст. 220 ГК РФ призывает к добросовестности лиц, осуществляющих переработку движимой вещи для себя. Приобрести право собственности по давности в соответствии с п. 1 ст. 234 ГК РФ возможно только при

условии добросовестности владения. Как представляется, особое значение требованию добросовестного поведения придают нормы обязательственного права. И это касается как общих положений об обязательствах, так и норм, регулирующих отдельные виды обязательств (п. 3 ст. 602 ГК РФ, ст. 662 ГК РФ). Не составляют исключения в части призыва сторон к добросовестным действиям нормы наследственного и интеллектуального права. Важно отметить, что проведенная в России модернизация гражданского законодательства одной из главных целей видела последовательное введение именно начала добросовестности в содержание гражданско-правового регулирования. И можно констатировать, что поставленная цель была достигнута.

Цивилистическая доктрина о понятии добросовестности

Проблема поисков содержания категории добросовестности волновала представителей гражданско-правовой науки, без преувеличения, на протяжении веков, однако точка, свидетельствующая об её исследованности, так и не была поставлена. Вот почему представляется важным обратиться к опыту накопленных определений данного понятия, при этом особое внимание уделив достижениям зарубежной цивилистики в этом вопросе. Важно отметить, что процессы активного поиска понимания добросовестности сегодня затрагивают широкий круг стран, включая в том числе Южно-Африканскую республику (ЮАР), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и Нигерию. Изучение литературы, касающейся опыта закрепления понимания добросовестности в законодательствах этих стран, а также его судебного применения, позволит расширить известный круг доктринальных источников, углубив понимание исследуемой категории. Итак, из каких характеристик складывалось цивилистической доктриной понимание добросовестности в гражданском праве.

В-первую очередь, это честность, а точнее, «честное исполнение своих обязанностей». Именно так характеризует добросовестность словарь С.И. Ожегова [5. С. 145]. На этой характеристике настаивал и М.М. Агарков [6. С. 375].

Вторая черта – это доверие, которое, как утверждали учёные, каждый участник гражданско-правовых отношений должен оправдывать и без которого невозможно совершение гражданско-правовых сделок.

Третья составляющая требования добросовестности состоит в доброжелательстве. Об этой характеристике добросовестности писал И.Б. Новицкий [7. С. 60].

Четвертым элементом возможно назвать правдивость, на чём настаивал В.И. Даль в своём толковом словаре. Великий энциклопедист о добросовестности писал в значении праводущия, правдивости и даже «строгой добросовестности» в поступках [8. С. 445].

В-пятых, добросовестность предполагает соблюдение нравственного принципа взаимности. На этой характеристике настаивали А. Жалинский и А. Рёрихт [9].

Шестая характеристика может быть связана с достоверным информированием. На этой стороне добросовестности настаивал М.Г. Розенберг [10. С. 44].

В-седьмых, добросовестность возможно также связать с не причинением участниками гражданского оборота вреда. На эту характеристику обращал внимание В.А. Белов [11. С. 50].

Восьмым сущностным проявлением добросовестности можно назвать «поиск справедливости», о чем писал Д.В. Дождев [12. С. 221].

Всегда была очевидна и так называемая субъективная добросовестность лица, которое не знало и не должно было знать о фактах, имеющих существенное значение. Этот признак в авторской системе составит девятую строчку. На него, в частности, обращали внимание в своих работах Е. Богданов [13] и С.А. Краснова [14]. В качестве завершающего «аккорда» в системе характеристик добросовестности приведем подход Роберта Колба. В представлении данного автора добросовестность в международно-правовых документах имеет триединую сущность, употребляясь в значении юридического факта, стандарта для оценки адекватности поведения, а также общего принципа, защищающего законные ожидания [15].

А сейчас обратимся к исследованиям зарубежных цивилистов последних лет, которые также предметом своего анализа избрали категорию «добросовестность». Так, Башар Хикмет Малкави, профессор Аризонского университета, в своём исследовании, посвященном особенностям действия принципа добросовестности в законодательстве ОАЭ, подчеркнул, что большинство известных его определений имеет одно и то же значение [16]. Однако, рассуждает профессор, следует различать две формы добросовестности: позитивную и негативную. Позитивная предполагает обязательства сторон действовать честно, умеренно, в духе сотрудничества. Негативная форма представляет собой упущение в определенном действии или поведении, т.е. то, к чему сторона не должна стремиться, поскольку эта форма означает несправедливое преимущество, злоупотребление правами, что неизбежно приводит к возникновению конфликтов. В содержании добросовестности Малкави включает также требование ведения бизнеса с полным раскрытием информации, а также разумность как объективный стандарт для оценки поведения сторон. Обращает на себя внимание также подход к определению добросовестности как «состоянию ума», состоящему, во-первых, в честности убеждений и целей; во-вторых, в верности своему долгу или обязательству; в-третьих, в соблюдении разумных стандартов честного ведения дел; наконец, в отсутствии намерения обмануть или получить недобросовестную выгоду. Думается, что именно такое «состояние ума» участников гражданско-правовых отношений важно обеспечить с помощью эффективного гражданско-правового регулирования и адекватной правоприменительной и в первую очередь судебной практики.

Проблеме «максимальной добросовестности» посвятили свои исследования учёные из Германии, Кевин Борк и Манфред Вандт [17]. Доминирующее значение принципа добросовестности данные авторы объяснили невозможностью для законодателя предсказать все возможные ситуации, что и вынуждает его использовать абстракции, включая требование добросовестности. Добросовестность важна как инструмент, применяющий справедливость в каждом отдельном случае, исправляя тем самым «недостатки статутного права». Концептуальным компонентом добросовестности, уверенно замечают авторы, ссылаясь на § 242 Германского гражданского уложения, являются преданность и вера.

Исследовательский интерес представляет собой также работа Эндрю Хатчисона, ассоциированного профессора в Университете Кейптауна. Он размышляет об уникальной южноафриканской перспективе использования местных ценностей, отраженных в термине «убунту», как дополнения к требованию добросовестности, используемого при заключении контрактов в ЮАР. Добросовестность учёный рассматривает как этическую ценность, контролирующий принцип, основанный на стандартах порядочности и справедливости, лежащих в основе договорного права [18]. Добросовестность в концепции данного автора выполняет творческую, контролирующую, узаконивающую и объясняющую функции. Она служит «призмой», через которую приходит понимание сути заключенных контрактов, выражаясь в принципе взаимности. Особенностью добросовестности в ЮАР является существование народного термина «убунту», в котором отражается уникальный южноафриканский взгляд на договорное право. Концепция «убунту» подчёркивает общинный характер общества и несёт в себе идеи гуманности, социальной справедливости, беспристрастности, групповой солидарности, сострадания, уважения человеческого достоинства и приверженность нормам коллективного единства. В Южно-Африканской республике традицией является правило, гласящее, что «человек является человеком через других людей», а значит, его благополучие зависит от группы. В этом и заключается суть требования «убунту», которое было удостоено включения в список конституционных ценностей и стало активно упоминаться в решениях Конституционного суда.

Обращает на себя внимание и работа Олабиси Д. Акинкугбе, доцента школы права Университета Далхаузи в городе Галифаксе (Канада), получившего юридическое образование в Университете Лагоса (Нигерия). Нелучайно в своём исследовании автор говорит о добросовестности в соответствии с законодательством Нигерии [19]. Нигерия сегодня представляется собой развивающуюся экономику, в которой имеет место неравенство и дисбаланс в коммерческих сделках, однако и в этой стране принцип добросовестности пробивает себе дорогу в судебной практике, особенно широко, как отмечает автор, в судах первой инстанции. Понятие добросовестности, отмечается Олабиси Д. Акинкугбе, лишено точного определения, что не мешает его широкому и разнообразному применению в договорном

праве. Принцип добросовестности в этой стране включает в себя также честность, однако этим требованием он не ограничивается. Проявлением добросовестности здесь являются и другие «абстрактные ценности», включая справедливость, разумность, беспристрастность и равноправие. Кроме того, добросовестность, подчёркивается в исследовании, служит для того, чтобы исключить возможность проявления разнообразных форм недобросовестности, вытекающих из нечестной цели или моральных предрассудков. Добросовестность, таким образом, «заполняя пробелы», служит объективным стандартом, основанным на порядочности, справедливости и разумности общества.

Итак, подводя некоторые итоги, можно заключить, что хотя понятие добросовестности и не имеет точного законодательного определения, оно обладает этической ценностью, служа торжеству справедливости. Требование добросовестности позволяет исправлять проявление несправедливости в отдельных случаях благодаря судебной практике и служит общим ориентиром для развития гражданского законодательства. В своей позитивной форме, характеризующей поведение участников гражданского оборота, добросовестность включает требование честности, доверительности, доброжелательности, правдивости, заботливости, беспристрастности, порядочности, гуманности, солидарности и равноправия. Добросовестность в негативной форме предполагает запрет достижения неоправданных преимуществ и злоупотреблений участниками гражданско-правовых отношений. Кроме того, очевидной становится общая задача и гражданского законодательства, и судебной практики, состоящая в превращении добросовестности в «состояние ума» всякого и каждого участника гражданского оборота.

Добросовестность в отражении зарубежной судебной практики

Изучение судебной практики представляет большой научный интерес ввиду особой индивидуальности каждого конкретного из рассмотренных судами дел. Эти примеры как будто окрашены особыми красками, что позволяет судам демонстрировать не только знания закона, но и особый правовой интеллект, отражающий их «умственный и нравственный ценз». Остановлю внимание на четырёх примерах дел, рассмотренных судами Канады, ЮАР, ОАЭ, Нигерии. Первое дело будет основано на решении Верховного суда Канады, принятом в 2018 г. и получившем название «дело Черчилл-Фолс» [20]. Фабула дела такова. Компанией «Черчилл-Фолс» был задуман большой проект, связанный с использованием гидроэнергетического потенциала реки Черчилл (самая длинная река в Атлантической Канаде). Для реализации проекта потребовалось его финансирование и последующая закупка электроэнергии на условиях «бери и плати». «Черчилл-Фолс» удалось уговорить компанию Hydro-Québec (в дальнейшем – штаб-квартира) отложить реализацию собственных гидроэнергетических проектов, заключив контракт, обеспечивающий правовую и финансовую основы для проекта

«Черчилл-Фолс». Это был огромный проект, включавший выпуск облигаций, строительство крупнейшей на тот момент электростанции в мире, а также линий электропередач для транспортировки электроэнергии на расстояние около 1 300 км. Помимо инвестирования капитала и предоставления неограниченной гарантии завершения строительства, штаб-квартира обязалась закупать в течение 65 лет практически всю электроэнергию, которую будет производить станция, независимо от того, нужна она ей или нет. Такое обязательство на условиях «бери и плати» позволило «Черчилл-Фолс» использовать долговое финансирование для покрытия всех затрат на строительство. Однако впоследствии на энергетическом рынке Северной Америки произошли серьёзные изменения, что привело к существенному увеличению рыночной цены на электроэнергию. «Черчилл-Фолс» в связи с этим, обратившись в судебные органы, потребовала от штаб-квартиры пересмотра условия ценообразования контракта, сославшись на принцип добросовестности. По мнению истца, фундаментальные изменения на энергетическом рынке были непредвиденными и нарушили равновесие. Из общей же обязанности добросовестности, закреплённой в законодательстве Квебека, прибыль необходимо перераспределить и разделить более справедливо.

Дело дошло до Верховного суда Канады, который большинством голосов (7:1) постановил, что штаб-квартира не была обязана пересматривать контракт, который предоставил ей существенные и непредвиденные выгоды. В своем решении суд указал, что, хотя принцип добросовестности и может служить для защиты равновесия сторон контракта, в случае возникновения реальных трудностей у одной из сторон, он не должен использоваться для изменения равновесия и навязывания новой сделки. Целью, лежащей в основе принципа добросовестности, как было подчёркнуто в решении суда, является обеспечение того, чтобы каждая из договаривающихся сторон получила выгоду, на которую имеет право по договору. Таким образом, добросовестность служит «исправительному правосудию», позволяя защищать согласованное договорное равновесие и обеспечивать правовую защиту, когда поведение стороны нарушает это равновесие. В данном же случае «Черчилл-Фолс» попыталась использовать обязанность добросовестного поведения как средство справедливого распределения, а в эту сферу, как отметил суд, всегда следует «вступать с большой осторожностью».

Второй пример приведём из судебной практики ЮАР. Суды этой страны при рассмотрении дел исходят из правил публичной политики, которые призывают контролировать и исправлять условия контрактов, признаваемых недобросовестными. В деле «Сасфин против Бьюкса» суд решил аннулировать акт уступки банку балансовых долгов физического лица [21]. Условия контракта были признаны противоречащими государственной политике и, как следствие, недействительными. Суд подчеркнул, что широкие полномочия, предоставляемые контрактом банку, следует рассматривать как частный случай проявления недобросовестности. Фактически такие условия, как было подчёркнуто в решении, превращают должника в «раба финансиста».

С похожей ситуацией сталкивается и судебная практика в нашей стране, что свидетельствует о транснациональной тенденции злоупотребления финансовыми организациями своими гражданскими правами.

Третий пример будет основан на судебной практике ОАЭ. Суды этой страны активно поддерживают так называемые «подразумеваемые» обязательства добросовестности. Это означает, что любой контракт должен исполняться в соответствии с его условиями и добросовестно. Добросовестность при этом предполагает, что договаривающаяся сторона связана не только тем, что прямо указано в контракте, но и условиями, которые рассматриваются как вспомогательные к нему в соответствии с обычаями и характером сделки. Ярким примером, подтверждающим данную правовую позицию, может служить случай с водителем такси. Суд в своём решении подчеркнул, что данное обязательство предполагает не только и не столько перевозку пассажира из одного пункта в другой. Требование добросовестности предполагает обязанность водителя использовать кратчайшую и при этом самую легкую дорогу [16].

Наконец, последний пример приведем из судебной практики Нигерии. В деле «Уильямс против Уильямса» спор возник между братьями в отношении имущества умершего отца [19]. В связи с возникшим конфликтом братья прибегли к посредничеству и впоследствии заключили соглашение, которым подтвердили, что их отец умер, не оставив завещания и отменив все завещательные распоряжения, сделанные им перед смертью. Соглашение содержало формулу раздела имущества и предусматривало, что любой спор, возникающий в связи с этим, будет передан в арбитраж. Впоследствии некоторые из братьев заявили, что обнаружили голографическое завещание и передали его в секретариат суда с просьбой привести завещание в исполнение. Остальные братья выступили против и обратились в суд с просьбой передать иск в арбитраж, как было согласовано. Суд в принятом решении подчеркнул, что заключенное семейное соглашение соответствует нормам морали и чистой совести, а потому в случае любого последующего развития событий, в том числе обнаружения голографического завещания, должно неукоснительно соблюдаться.

Итак, обязательство (или принцип) добросовестности позволяет контрагентам, во-первых, с помощью судебных органов предотвращать навязывание другой стороной самых широких правомочий (особенно это касается финансовых организаций). Во-вторых, требование добросовестности при поддержке судебных органов защищает подразумеваемые или дополнительные обязательства, связанные в том числе с характером сделки. Наконец, добросовестность как требование законодательства служит укреплению стабильности договоров, соответствующих нормам морали и доброй совести. Однако суды отказывают в применении принципа, если его пытаются использовать как средство «распределительного правосудия», на деле изменяющего распределение выгод, установленных заключенным договором.

Добросовестность в отражении практики судов Российской Федерации

Нельзя, конечно же, оставить вне поля исследования и практику судов нашей страны с тем, чтобы сделать вывод о том, насколько активны ответственные судебные инстанции в применении требования добросовестности при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Остановим внимание на трёх делах, ставших предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации в 2023 г. Первое было связано с иском К.Р. Штирца к «Банку ВТБ» и «Сбербанку России» о признании исполненным кредитного договора [22]. Как было установлено судебными инстанциями, К.Р. Штирц заключил с ПАО «Банк ВТБ» договор потребительного кредита на сумму 560 800 руб. Через некоторое время, погасив часть кредита и узнав о размере своей задолженности, К.Р. Штирц подал заявление о полном досрочном погашении кредита. При этом он обратился за рефинансированием в ПАО «Сбербанк России», в связи с чем последний перечислил ответчику 402 588 руб., правда, с задержкой ввиду неточного заполнения банковских реквизитов. Впоследствии оказалось, что общая задолженность за два дня задержки выросла на 295 руб., что явилось основанием для возврата денежных средств и отказа в признании исполнения всего обязательства по кредитному договору. Нижестоящие инстанции – Соликамский городской суд, Пермский краевой суд и Седьмой кассационный суд общей юрисдикции – отказали в требовании признать кредитный договор исполненным, сославшись на то, что возвращение денежных средств по платежному поручению явилось следствием неправильного заполнения истцом банковских реквизитов. Иной взгляд на оценку фактических обстоятельств высказал Верховный Суд Российской Федерации, применив при этом в качестве решающего аргумента принцип добросовестности. Верховный Суд РФ указал, что поступление денежных сумм в размере, недостаточном для полного погашения гражданином кредита, не является препятствием для их зачисления в установленном порядке и в установленный срок в счёт частичного досрочного погашения кредита. Кроме того, подчеркнула высшая судебная инстанция, ответственность за правильное указание банковских реквизитов лежит не на гражданине-потребителе, а на банке как профессиональном участнике этих отношений. Следовательно, в действиях банка не усматривается реализация требования добросовестности, на что не обратили внимание и не дали надлежащую правовую оценку нижестоящие инстанции. Верховный Суд РФ, отменив все состоявшиеся по делу решения, направил его на новое рассмотрение.

Второе дело было рассмотрено по иску гражданки Е. к ООО «Х. К. Банк» (в дальнейшем – банк) о признании кредитного договора ничтожным [23]. Фабула этого резонансного дела такова. Работники банка, воспользовавшись доверием и легкомысленностью гражданки Е., уговорили её подключиться к услуге «Интернет-банк», дающей возможность заключать кредитный договор дистанционно. Не вдаваясь в детали процедуры дистанционного заключения данного договора, гражданка Е. не могла даже

предположить, что станет субъектом долгового обязательства посредством простого нажатия четырехзначного номера в своем телефоне. Тем не менее, не проявив должной осмотрительности, на полученное от банка SMS-сообщение, где назначение введенного кода было указано латинскими буквами, она автоматически ввела код, который ей было рекомендовано ввести. Негативные последствия не заставили себя долго ждать. Она не только оказалась должником банка на значительную сумму денег (205 904 руб.), но и фактически данную сумму не получила, так как деньги автоматически были переведены в другой банк и списаны. Конечно, она обратилась в полицию и одновременно в суд с требованием о признании заключенного договора ничтожным. При всей, казалось бы, очевидности недобросовестности поведения кредитной организации, Савеловский районный суд, а затем и Московский городской суд в иске отказали. Судебные инстанции сослались на формальное соблюдение требований, предъявляемых к заключению сделки с использованием аналога собственноручной подписи. Вердикт судебных инстанций был таков, что все переводы денежных средств, в том числе их итоговое списание, произошли по собственному распоряжению истицы.

Верховный Суд РФ оценил данную ситуацию иначе. Высшая судебная инстанция подробно в своем определении описала необходимые стадии заключения договора потребительского кредита, которые в конкретном случае не были соблюдены. Действия банка были квалифицированы как недобросовестные, не учитывающие права и законные интересы потребителя. Верховный Суд РФ подчеркнул, что добросовестность финансовой организации предполагает и учет интересов контрагента, и обеспечение безопасности дистанционного предоставления услуг. Таким образом, именно обязательство добросовестности, которое Верховный Суд РФ счел не соблюденным, явилось основанием для отмены всех состоявшихся по данному делу решений и направлению его на новое рассмотрение. Приведенные примеры очень напоминают ситуацию из судебной практики ЮАР и вывод, призывающий не допускать превращения потребителя кредитных услуг в «раба финансиста».

И третье дело было рассмотрено по иску гражданина Г. к гражданину Ф. о признании заключенного договора купли-продажи автомобиля недействительным [24]. Фабула этого дела, кстати, весьма распространенного в современной судебной практике, такова. Между истцом и ответчиком был заключен договор купли-продажи автомобиля. Возникшее обязательство было исполнено, в связи с чем покупатель обратился за регистрацией купленного транспортного средства. И здесь выяснилось, что автомобиль находится в залоге. Как оказалось, залог был сделан в связи с получением гражданином Ф. кредита. Конечно, он знал об обременении продаваемой вещи, но об этом покупателю не сообщил. Гражданин Г. потребовал от Ф. погашения кредита, и заявил, что в противном случае будет требовать признания заключенного договора недействительным. Получив отказ, гражданин Г. обратился в суд с требованием о признании заключенного договора недействительным и применении последствий недействительности сделки. Суд пер-

вой инстанции предъявленные требования удовлетворил, однако вышестоящие инстанции с этим выводом не согласились. Отменяя решение, они сослались на отсутствие умысла у гражданина Ф. на совершение обмана. Умолчание об обстоятельствах, имеющих существенное значение, суды не оценили как очевидное проявление недобросовестности продавца. Иную позицию занял Верховный Суд Российской Федерации. И здесь главным аргументом для него стал принцип добросовестности и его несоблюдение участником сделки. Умолчание об обстоятельствах, имеющих для покупателя существенное значение, Верховный Суд РФ расценил как проявление недобросовестности и со ссылкой на принцип отменил все состоявшиеся по делу решения, отправив его на новое рассмотрение.

Итак, можно сделать вывод, что требование добросовестности становится всё более актуальным в практике высшей судебной инстанции нашей страны. К сожалению, такой вывод нельзя сделать по отношению к нижестоящим инстанциям, решения и постановления которых в связи с неприменением принципа добросовестности Верховный Суд РФ вынужден отменять. Однако перспективы неукоснительного проведения в жизнь требования добросовестности со стороны российской судебной системы очевидны. И это позволяет с оптимизмом и верой смотреть в будущее, в котором участники гражданского оборота по призыву В.А. Кожевникова «страхнут с себя оковы нравственной апатии и неряшливости», сроднившись с нравственными установками доброй совести. Ведь только так, как утверждал классик казахской литература Абай Кунанбаев, и может возвыситься человек.

Список источников

1. Абай Кунанбаев: 10 афоризмов казахского поэта и философа. URL: <https://eksmo.ru/articles/abay-kunanbaev-10-aforizmov-kazakhskogo-poeta-i-filosofa-ID3109636/> (дата обращения: 08.05.2024).
2. Кожевников В.А. О добросовестности в вере и неверии. СПб. : Лань, 2013. 16 с.
3. Смолин М.Б. Отношение социализма к религии вообще и к христианству в частности. URL: https://moskvam.ru/publications/publication_1722.html (дата обращения: 08.05.2024).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 10-е изд., стер. М. : Сов. энциклопедия, 1973. 846 с.
6. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 2. 489 с.
7. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6. С. 59–66.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / предисл. А.М. Бабкина. 7-е изд. М. : Рус. яз., 1978. Т. 1. 688 с.
9. Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М. : Спарк, 2001. 767 с.
10. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. Комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. М. : Статут, 2003. 323 с.
11. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49–52.

12. Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву : в 2 т. М. : Статут, 2021. Т. 1. 457 с.
13. Богданов Е. Категория «добросовестности» в гражданском праве // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 13–15.
14. Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 62–67.
15. Kolb R. Principles as Sources of International Law (with Special Reference to Good Faith) // Netherlands International Law Review. 2006. № 53. P. 1–36.
16. Malkawi B.H. Good Faith Under the CISG and UAE Law. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3382725#paper-references-widget (дата обращения: 08.05.2024).
17. Bork K., Wandt M. «Utmost» good faith in German contract law // ZVersWiss. 2020. № 109. P. 243–254.
18. Hutchison A. Good Faith In Contract: A Uniquely South African Perspective // Journal of Commonwealth Law. 2019. Vol. 1. P. 227–271.
19. Akinkugbe D.O. To Recognize or Not? Good Faith Under Nigerian Law of Contract // Journal of Commonwealth Law. 2019. Vol. 1. P. 363–402.
20. Churchill Falls (Labrador) Corp. v. Hydro-Québec. URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2018/2018scc46/2018scc46.html> (дата обращения: 08.05.2024).
21. Sasfin (Proprietary) Limited And Hendrik Johannes Stefanus Beukes. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZASCA/1988/94.html> (дата обращения: 08.05.2024).
22. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2023 по делу № 44-КГ23-18-К7. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686#5xeAM9UVmCtbUFc5> (дата обращения: 08.05.2024).
23. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2023 № 5-КГ22-121-К2. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987#RtlCM9UCQ70lvG071> (дата обращения: 08.05.2024).
24. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2023 № 16-КГ23-57-К4. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615#TEmEM9UyGcoFrZPF1> (дата обращения: 08.05.2024).

References

1. Abai Kunanbayev. (2018) *Abay Kunanbaev: 10 aforizmov kazakhskogo poeta i filosofa* [Abai Kunanbayev: 10 aphorisms of the Kazakh poet and philosopher]. [Online] Available from: <https://eksmo.ru/articles/abay-kunanbaev-10-aforizmov-kazakhskogo-poeta-i-filosofa--ID3109636/> (Accessed: 8th May 2024).
2. Kozhevnikov, V.A. (2013) *O dobrosovestnosti v vere i neverii* [On conscientiousness in faith and unbelief]. St. Petersburg: Lan'.
3. Smolin, M.B. (2017) *Otnoshenie sotsializma k religii voobshche i k khristianstvu v chastnosti* [The attitude of socialism to religion in general and to Christianity in particular]. [Online] Available from: https://moskvam.ru/publications/publication_1722.html (Accessed: 8th May 2024).
4. *Rossiyskaya gazeta*. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ]. № 238-239.
5. Ozhegov, S.I. (1973) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 10th ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
6. Agarkov, M.M. (2002) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [The Problem of Abuse of Rights in Soviet Civil Law]. Vol. 2. Moscow: Tsentr YurInfoR.

7. Novitskiy, I.B. (1916) Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava [The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 6. pp. 59–66.

8. Dal, V.I. (1978) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 7th ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

9. Zhalinskiy, A. & Rerikht, A. (2001) *Vvedenie v nemetskoe parvo* [Introduction to German Law]. Moscow: Spark.

10. Rozenberg, M.G. (2003) *Mezhdunarodnaya kuplya-prodazha tovarov. Kommentariy k pravovomu regulirovaniyu i praktike razresheniya sporov* [International Sale and Purchase of Goods. Commentary on Legal Regulation and Dispute Resolution Practice]. Moscow: Statut.

11. Belov, V.A. (1998) Dobrosovestnost', razumnost', spravedlivost' kak printsipy grazhdanskogo prava [Good Faith, Reasonableness, and Justice as Principles of Civil Law]. *Zakonodatel'stvo*. 8. pp. 49–52.

12. Dozhdev, D.V. (2021) *Evropeyskaya traditsiya chastnogo prava: issledovaniya po rimskomu i sravnitel'nomu pravu: v 2 t.* [The European Tradition of Private Law: Studies on Roman and Comparative Law: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Statut.

13. Bogdanov, E. (1999) Kategoriya “dobrosovestnosti” v grazhdanskom prave [The Category of “Good Faith” in Civil Law]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 9. pp. 13–15.

14. Krasnova, S.A. (2003) Opredelenie ponyatiya “dobrosovestnost” v rossiyskom grazhdanskom prave [Definition of the Concept of “Good Faith” in Russian Civil Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3. pp. 62–67.

15. Kolb, R. (2006) Principles as Sources of International Law (with Special Reference to Good Faith). *Netherlands International Law Review*. 53. pp. 1–36.

16. Malkawi, B.H. (n.d.) *Good Faith Under the CISG and UAE Law*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3382725#paper-references-widget (Accessed: 8th May 2024).

17. Bork, K. & Wandt, M. (2020) “Utmost” good faith in German contract law. *ZVersWiss*. 109. pp. 243–254.

18. Hutchison, A. (2019) Good Faith In Contract: A Uniquely South African Perspective. *Journal of Commonwealth Law*. 1. pp. 227–271.

19. Akinkugbe, D.O. (2019) To Recognize or Not? Good Faith Under Nigerian Law of Contract. *Journal of Commonwealth Law*. 1. pp. 363–402.

20. Canada. (2018) *Churchill Falls (Labrador) Corp. v. Hydro-Québec*. [Online] Available from: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2018/2018scc46/2018scc46.html> (Accessed: 8th May 2024).

21. South Africa: Supreme Court of Appeal. (1988) *Sasfin (Proprietary) Limited And Hendrik Johannes Stefanus Beukes*. [Online] Available from: <https://www.saflii.org/za/cases/ZASCA/1988/94.html> (Accessed: 8th May 2024).

22. Russian Federation. (2023) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19.12.2023 po delu № 44-KG23-18-K7* [Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2023, Case No. 44-KG23-18-K7]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=797686#5xeAM9UVmCtbUFc5> (Accessed: 8th May 2024).

23. Russian Federation. (2023) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17.01.2023 № 5-KG22-121-K2* [Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 2023, No. 5-KG22-121-K2]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=748987#RtlCM9UCQ70lvG071> (Accessed: 8th May 2024).

24. Russian Federation. (2023) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2023 № 16-KG23-57-K4* [Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated

November 14, 2023, No. 16-KG23-57-K4]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=792615#TEME M9UyGcoFrZPF1> (Accessed: 8th May 2024).

Информация об авторе:

Щенникова Л.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Shchennikova, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: shchennikova_larisa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2024;
одобрена после рецензирования 12.10.2024; принята к публикации 19.03.2025.*

*The article was submitted 10.05.2024;
approved after reviewing 12.10.2024; accepted for publication 19.03.2025.*